

Городок Стыдное Имя

Королёв В.Н.

Ростовский государственный университет

Недавно нам довелось познакомиться с листовкой, которая сообщает об исторической «научной сенсации XXI века»: «Около 400 лет царские, советские, “демократические” историки скрывали и продолжают скрывать... старинную казачью столицу... В 2002 году... В.П.Хопёрский нашел зарубежный атлас Исаака Массе (так в тексте; следует: Массы. – В.К.) от 1633 года, благодаря которому была... найдена казачья столица Всевеликого Войска Донского “Атаманский городок”. В связи с тем, что это научное открытие ещё до конца не изучено..., казаков ждёт ещё много сенсационной исторической информации». Далее следует знак копирайта, а перед текстом помещен фрагмент карты Массы [Научная сенсация, 2002].

Сообщение довольно загадочно, хотя бы потому, что перед тем некоторые газеты уже извещали об этом же «открытии», но приписывали его другому лицу. В статье А.Лезвина под заглавием «Аксайские краеведы перекраивают древнюю карту Дона» можно прочитать: «Обнаруженные историком Владимиром Гладченко архивные документы (речь идет о картах. – В.К.) называют новый адрес первой казачьей столицы... Находка сенсационна... Аксай здесь... обозначен надписью – Великий Атаманский Город... Новый, доселе неизвестный статус Аксайской станицы убеждает, что издревле это было нерядовое поселение... Какие тайны ещё откроет Великий Атаманский Город Аксай?.. Но что главное – не Аксай ли первая столица донского казачества?» При статье опубликован фрагмент «первой карты казачьего Дона» – той же карты Массы [Лезвин, 2002].

Наконец, сам В.Д.Гладченко в статье «Великий Атаманский город» сообщает, что «стараниями археологов и историков доподлинно установлено, что Великий Атаманский город, построенный в 1570 году, располагался на землях нынешнего города Аксая и находился на территории охранной зоны памятника археологии Кобякова городища» [Гладченко, 2001].

Пока «первооткрыватели» выясняют, кто из них первее, скажем, что городок, которому посвящена «сенсация», уже многие десятки лет, с дореволюционных времён, упоминается в литературе. О нём писали В.В.Богачёв, С.Г.Сватиков, И.Ф.Быкадоров, С.Г.Кобяков, З.А.Витков, Н.А.Мининков, В.С.Сидоров и др., в том числе автор данного сообщения. Как ни удивительно, но упоминание городка находим и в статье В.Д.Гладченко, опубликованной хотя и в соавторстве, но за 14 лет до «открытия» [Гладченко, Нагорный, 1987, с. 129]. Разумеется, многие десятилетия известна учёным и карта Массы. Зато вопреки утверждению В.Д.Гладченко точная дата основания городка донине неведома, а о его конкретном местоположении можно говорить лишь предположительно.

Тем не менее упомянутые публикации оказались для нас полезными, поскольку сподвигли систематизировать материал, относящийся к «сенсационному» городку.

Самый ранний из известных на сегодня перечней донских казачьих городков, обнаруженный А.А.Зиминым в Собрании Московской духовной академии и опубликованный в 1959 г., носит заглавие «Роспись от Воронежа Доном-рекою до Азова до Чёрного моря, сколько верст и казачьих городков и сколько по Дону всех казаков, кои живут в городках» [Зимин, 1959]. Мы датируем этот документ концом XVI в. – очевидно, 1593 г. [Королёв, 1993, с. 240-246].

Третьим снизу поселением роспись показывает Черкасский городок, предпоследним, в 3 верстах ниже Черкасского, Монастырский городок, и самым нижним, в 5 верстах от Монастырского (и, следовательно, в 8 верстах от Черкасского), городок со странным названием «Стыдное Имя». О нём даётся следующая информация: «Ка[за]чьи городки судимы все тут, и атаман и есаул, и дьяки тут бывают. От Стыдново до Азова 50 вёрст Доном-рекою, а степью 25 вёрст». О Монастырском сказано, что в нём «съезжаются казаки изо всех городков, [ч]асовня тут, попов по 10 и больши и дья[ко]ны. А съехався, живут до Петрова дни (29 июня. – В.К.), потом [разъезжаются по городком]» [Зимин, 1959, с. 229].

Следовательно, во время составления росписи центром Войска Донского являлся городок Стыдное Имя – там находилась войсковая администрация во главе с войсковым атаманом и рассматривались дела городков. Вместе с тем Монастырский представлял собой церковный центр Войска и место сбора казаков. Войсковые круги, однако, проводились не в Монастырском, а в Стыдном Имени, поскольку дела городков мог разбирать только высший орган казачьей власти. Таким образом, источник обрисовал контуры известного в донской

истории «Главного войска», которое объединяло несколько городков, располагавшихся поблизости друг от друга.

Авторство росписи, о которой мы говорим, принадлежало представителям Московского государства, как и составление следующего по времени перечня городков. Он был обнаружен ещё в XIX в. в «Книге о посольских делах, или О Державе великих государей московских» и по датировке П.П.Сахарова, подтверждённой затем Н.А.Мининковым, относится, похоже, к 1594 г. [Архив РОМК, III, л. 347-351; Мининков, 1992, с. 47-48; Мининков, 1998, с. 42-43]. Здесь указаны те же три нижних городка, но два последних даны с другими названиями: «Черкасской, Нижней городок, Самой нижней последней от Азова в 20 верстах» [Архив РОМК, III, л. 348].

П.П.Сахаров заметил, что по терминологии конца XVI – начала XVII в Нижний – это Монастырский городок, который стоял от Азова дальше, чем на 20 вёрст, а в слове «Самой» буква «с» прописная, и потому Самой нижней – это не Нижний (Монастырский) городок, а особое поселение [Архив РОМК, III, л. 348]. Оно помещено на том порядковом месте, на котором в предыдущей росписи стояло Стыдное Имя.

На картах голландцев Гесселя Герритса (1614 г.) и Исаака Массы (1633 г.) отражавших, однако, ситуацию 1598-1605 гг. [Кордт, 1910, № 44, 45; Кордт, 1889, № 29, 30], а также в произведениях других западноевропейских картографов, по-видимому, заимствовавших у первых конкретные сведения, опять появляются новые названия самых нижних казачьих городков: на месте Монастырского стоит Красный Яр, а на месте Стыдного Имени (Самого Нижнего) – Атаманский городок.

Топонимы Стыдное Имя, Самый Нижний, да, собственно, и Атаманский отличаются от обычных названий городков и производят впечатление искусственности и выдуманности. Отсюда возникла задача понять причины появления и смысл необычных названий.

Наряду с авторами, которые воспринимали Стыдное Имя как Бог весть что за название, В.И.Вареник, например, писал о нём, как о «каком-то непонятном» наименовании [Вареник, 1996а], – были и те, кто пытался прояснить происхождение вычурного топонима. «Городок Стыдное Имя, – замечал З.А.Витков, – несомненно, идентичен Атаманскому городку карты И.Массы. Различие в его наименовании можно объяснить тем, что дьяки Посольского приказа, давая сведения составителям карты, сочли неудобным называть неупотребительное имя городка и заменили его другим, соответствовавшим его роли (Атаманский – от пребывания в нем атамана)» [Витков, 1970, с. 301]. Неизвестно, подозревал ли историк истинную суть дела, но из процитированной фразы вытекало, что эта суть заключалась будто бы в крайней редкости употребления названия Стыдное Имя, почему оно и было заменено для иностранцев другим, «функциональным» наименованием.

В.Д.Гладченко и В.А.Нагорный считали, что городок назывался Стыдным Именем потому, что там судились другие городки, и, не зная, что Стыдное Имя не дожило до разинских времён, высказывали ошибочное предположение, что название «связано с последствиями разинского восстания» [Гладченко, Нагорный 1987, с. 129]. А.С.Козаченко показалось, что «красноречивое прозвище» Стыдное Имя «более сходно не с именем городка, а с поименованием особого урочища, предназначавшегося по войсковому приговору для особого действия», «при способленном для войсковых нужд», и потому-де, по автору, городок Стыдное Имя был «некорыстным», а атаманы и казаки бывали в нём якобы только «наездом» [Козаченко, 2000, с. 39-40].

Выражая несогласие с мнением З.А.Виткова и отмечая, что предположение В.Д.Гладченко и В.А.Нагорного не выдерживает критики, мы утверждали, что дел было совсем в другом: словами «Стыдное Имя» в московской росписи заменено подлинное нецензурное наименование городка у казаков [Королёв, 1993, с. 247]. Подобный взгляд стали высказывать и другие историки, что вызвало гнев краеведа В.В.Шумова, который опубликовал заметку «об одной попытке исказить донскую историю», где речь шла об «исказителе» А.В.Захаревиче [Шумов, 1994]. Заметку мало кто из историков прочитал: наши краеведы плохо читают историков, а те краеведов – и подавно. Но и прочитавшие остались при своём мнении, поскольку слишком очевидным был «неисторизм» самого полемиста В.В.Шумова.

Название Стыдное Имя, писал В. С.Сидоров, «придумали на Москве приказные дьяки как фиговый лист для “ненормативной лексики”». Хотя нормы официальной документации не отличались особым целомудрием, однако казаки именовали свою столицу совсем уж с первобытным простодушием. Что это было конкретно, выяснить пока не удалось, но по аналогии хотя бы с некоторыми прозвищами донцов и запорожцев, официально присутствующими в источниках, можно не сомневаться, что это из области, которую М.Бахтин философски-культурологически квалифицировал как “низ”» [Сидоров, 1994б, с. 124].

Говоря о Стыдном же Имени, Н.А.Мининков замечал: «Очевидно, что составители дорожника (росписи. – В.К.) не решились написать принятое на Дону наименование. В других источниках такое название содержится». И далее историк приводил это название, обнаруженное им в делах РГАДА, причём в двух вариантах: Эпок и Эбок [Мининков, 1998, с. 113].

Находка Н.А.Мининкова напомнила нам рассказ о том, как старики-казаки на вопрос Александра II, помнят ли они Наполеона, отвечали: «Как не помнить! Мы его и на Эблю провожали» [ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 1419, л. 56]. Эта Эбля одинаково указывает как на далёкую Эльбу, так и на подлинное имя городка. Эпок и Эбок тоже не являлись точным названием, но в данном случае искажение, по-видимому, намеренное, было лёгким и уже позволяло видеть, как на самом деле назывался городок.

Его подлинное наименование содержится в надписи на упомянутых картах – городок носил название Ебок. Сама надпись такова: «lebos vel Atamanskoï». Первое слово В.Д.Гладченко прочитал неверно как «lebos» (лебок) и, естественно, не понял его смысл, почему по-русски передавал многоточием («...»). Из “vel” же краевед произвел «Великий» (Великий Атаманский город) [Гладченко, 2001], тогда как это слово на латыни означает всего-навсего «или» или Атаманский).

Уже после анализа выяснилось, что, оказывается, едва ли не 100 лет назад В.В.Богачёв сообщал о присутствии на карте Массы городка «Jebos seu Atamanskoï» [Богачёв, 1910, с. 256], а ещё через 20 лет И.Ф.Быкадоров, ссылаясь на «старинные иностранные карты», тоже упоминал наш Ебок, он же Атаманский [Быкадоров, 1930, с.132]. Правда, первый автор не перевёл латинские буквы первого топонима на кириллицу и ошибочно прочитал слово «vel», а второй историк дал в родительном падеже форму «Атаманского (Ебока)», тогда как явно следовало сказать «Ебка»: в документе, обнаруженном Н.А.Мининковым, предложный падеж этого имени – «Эбке», а не «Эбоке» [Мининков, 1998, с. 114].

Топоним Ебок, несомненно, является отглагольным существительным, и думается, что глагол, от которого оно произошло, здесь можно не называть. Отталкиваясь от аналогии с парами Бурлук – Бурлуцкий, Кагальник – Кагальницкий, Кумшак – Кумшацкий и Манок (Маныч) – Маноцкий, можно полагать, что казаки именовали своё главное поселение также и Ебоцким городком.

Почему возникло такое «непотребное» название? Вряд ли причина заключалась в первобытном простодушии (если замечание В. С.Сидорова понимать слишком прямолинейно). Простодушный – это значит бесхитростно-добродушный, наивно-доверчивый, но подобных определений применительно к казакам совсем нету современников, которые оставили нам их характеристики.

Донцы «имеют много ума, хитры», – писал адмирал К.Крюйс [Крюйс, 1824, с. 289]. Они, замечал генерал А.И.Ригельман, «хитры, остроумны... пронырливы и насмешливы» [Ригельман, 1992, с. 196]. Те, кто думает, что запорожцы «простаки», утверждал киевский митрополит Иов, ошибаются [Иов Борецкий, 1910, с. 149]. Запорожцы, читаем у Г. де Боплана, «смышлёны и проницательны, остроумны» [Боплан, 1901, с. 6]. Характерна и самооценка казаков, отразившаяся в донских поговорках: «зипуны-то у нас серые, да умы бархатные», «у казака кафтан сер, да ум не чёрт съел» и др.

Нет, эти свободолюбивые и свободные люди по условиям тогдашних обстоятельств, в противостоянии гораздо более многочисленным неприятелям, были хитроумны и изобретательны. Смышлёные прагматики и сугубые реалисты, они не отличались «языковым ригоризмом», и удивительно ли, что и их юмор был хлестким и безудержным? В. С.Сидоров, рассматривая в другом месте так называемые «пороки» – иронические прозвища, которые станицы давали друг другу, справедливо замечает, что хотя казаки в этом жанре зачастую представляют самих себя в самом невыгодном свете, «это-то и говорит об их духовном здоровье, не боязни сатирически преувеличивать и заострять общие свои недостатки» [Сидоров, 1994а, с. 6-7].

И названный автор совершенно прав относительно прозвищ отдельных донцов. В списке новоприборных казаков 1640-х гг. мы встречаем Максима Ебодёнка, Федора Пердуна, Ивана Дристунова и Григория Сранкина [Донские дела, 1903]. Правда, в данном случае прозвища были принесены из России, но на Дону народное творчество в этом жанре, кажется, развивалось «вглубь и вширь». В коллекции москвича С.В.Корягина, занимающегося донской генеалогией, представлены не только казаки Пердуновы, но и Пердуновсковы и Распердяевы, не только Дристуновы, но и Дристунцовы и Дристунчиковы, а также Бздилины и Бздунковы, Дураковы и Мудаковы, Жопины и Жопкины, Мохнажоповы и Худосраковы [Корягин, 2000, с. 91-94; Корягин, 2001]. Сам генеалог – потомок казаков Вислогузовых [Корягин, 2000, с. 91], т.е. Вислозадовых. Нам ещё встречались в источниках казаки Сиськины, Сукины, Шалавины и др.

С.В.Корягин, сочувствуя задним числом девицам Мохнажоповым по части их общения с современниками, говорит, что всё-таки наибольшее впечатление на него произвёл казак Распердяев, вынужденный в тридцатилетнем возрасте выйти в отставку «по недержанию мочи» [Корягин, 2000, с. 91]. Ну что тут скажешь? А ведь жили, общались, служили и, похоже, не имели особых «комплексов», связанных со своими фамилиями.

Существовало немало и «неприличных» казачьих топонимов. Даже в 1930-х гг., после очень долгого процесса «облагораживания» топонимии, на картах Донского бассейна встречались Бздилова речка, Говённая, Средняя Говённая и Сучкина балки, Говённый ерик, Говённый и Срулёв овраги, Сучий лог, не говоря уже о речке Вонючке, Вшивом и Хреновом озёрах, Поганой и Сопливой балках, Собачьем яре и т.п. [Маштаков, 1934, с. 16, 26, 30, 33, 57, 59, 63, 64, 66, 67, 69, 78, 82]. Были ли примеры подобных наименований городков? В конце 1950-х гг. нам довелось слышать от одного старика в станице Старочеркасской, что где-то ниже её (и Монастырского урочища?) некогда существовал Сраный городок. В ответ на вопрос, почему он так назывался, казак лишь высказал предположение: «Может быть, он был слишком махоньким». Мы упомянули этот городок в одной из работ [Королёв, 1992, с. 104], но ни до того, ни после не смогли найти в письменных источниках подтверждение его существования. Зато в «путевых журналах» 1690-х гг. между Кременским и Старо-Григорьевским городками «красуется» городок Пердунов [Тетрадь записная, 1851, с. 48; Походный журнал, 1910, с. 3]. Добавим еще, что среди «солёных» прозвищ станиц и станичников встречались и нецензурные, к примеру, «баба ласкиря поймала» (купаясь голой в реке) с уточнением, чем именно она умудрилась это сделать [Королёв, 2002б, с. 399]. У казаков некоторых станиц были с виду более или менее приличные прозвища («овца» у жителей Перекопской станицы, «огурец» – Чернышевской, «свинья» – Милютинской, «телушка» – Аннинской), но, объясняя их, насмешники рассказывали всякие «нецензурные» истории [Миртов, 1929 с. 209, 211, 287, 322].

Особо скажем о том, что отдельные донские «любомудры» усматривали неприличие в названии станицы Етеревской. На Дону, писал А.А.Карасёв, «есть станицы, имеющие... неблагозвучные названия», и среди прочих упоминал Етеревскую, «которую многие во избежание разных недоразумений называют в письме Евтеревскою» [Карасёв, 1894, с. 156]. И действительно, именно так передавал этот топоним, к примеру, В.Д.Сухоруков [Сухоруков, 1891, с. 103]. Кроме того, существовал ещё один вариант «исправленного» названия бедной станицы – Итеревская. Такое написание встречаем у самих етеревцев, например в метрической книге Николаевской церкви Етеревской станицы за 1860 г. [ГАРО, ф. 803, о п.1, д. 200], и у ряда авторов, в частности у И.М.Сулина [Сулин, 1894, с. 411-412], Дело заключалось в том, что начало топонима совпадает по звучанию с «яти» – совершенным видом старинного глагола «имати» (братъ). На самом деле топоним не содержал в себе никакого «взятия», но его охотно готовы были там видеть.

В свете сказанного надо ли слишком удивляться появлению Ебоцкого городка? Конечно, очень необычно, что казаки так «ласково» называли не какой-то захудалый городок, а свое центральное поселение. Но казачество было уникальным явлением, и почему бы ему не иметь и уникальную по названию столицу? Воля через край, юмор через край – и через край наименование центра.

Может быть, сказалось и иронично-свободное отношение казаков к войсковому начальству, находившемуся в Ебке, и соответствующее обращение с этим начальством (по типу: «а ты, атаман, засранец»). Ведь не случайно один из неприятелей запорожцев писал, что они никогда не выберут себе в предводители какого-нибудь «олуха» или «завалящего человека», но что от них не дождёшься доброго слова в адрес своей старшины [Королёв, 2002а, с. 322].

Однако кого конкретно подвергали «эбле» в Ебке? Вполне возможно, что здесь прав Н.А.Мининков, связывающий название городка (но не топонима Стыдное Имя!) с тем, что в нём были «судимы» все остальные городки: «Связь этого хлётского слова, ставшего географическим названием, с войсковым судом и с наказанием провинившихся казаков, очевидно, вполне ясна» [Мининков, 1998, с. 259]. По Е.П.Савельеву, в XVII в. споры между отдельными лицами разбирали круги в городках, но недовольная сторона могла обжаловать решение в Главное войско. Собиравшийся там Войсковой круг являлся последней инстанцией, и он же рассматривал споры между городками [Савельев, 1990, с. 332]. «В мае, – писал В.Д.Сухоруков о XVIII в., – Главное войско рассматривало Дела станиц. Для сего атаман со всеми старшинами... выходил за город на возвышенные места, кои не потоплялись бывающими в сем месяце разливами Дона, и, разбив лагерь, творили суд» [Сухоруков, 1824, с. 276-277].

Вместе с тем известно, что столицы у Войска Донского менялись, городки «судили» и в других войсковых центрах, но ни один из них не получил «непристойного» имени. Поутих казачий юмор? Казаки «зауважали» начальство и главный городок? Один раз обозвали, и хватит? Или, может быть, в основе топонима Ебок лежал

какой-то неизвестный нам конкретный случай, давший повод к наименованию? Или первоначальная форма топонима была тюркской, а затем её переименовали на «казачий лад»?

И.Ф.Быкадоров считал, что Атаманский городок являлся одним из городков атамана Сары-Азмана, упоминаемых в документе 1549 г. без указания названий и местоположения, был разрушен во время Астраханского похода турок 1569 г. и позже не возрождался, а на более поздних картах зафиксированы устаревшие сведения, полученные турками во время упомянутого похода [Быкадоров, 1930, с. 131-132, 156]. Но ни один источник 1540-1560-х гг. не упоминает Атаманский городок.

Другой историк, Х.И.Попов, на основании сведений русского посла И.П. Новосильцева, ездившего в 1570 г. по Дону в Турцию и обратно, полагал, что Атаманский городок существовал в начале 1570-х гг. и располагался при впадении Аксая в Дон, у Кобякова городища [Попов, 1907, с. 39, 46]. Это мнение затем повторяли и некоторые последующие авторы (см., напр.: [История Дона, 1973, с. 106]). Однако из посольского статейного списка явствует, что дипломат был передан казаками турецкой стороне после пребывания в «ближних зимовищах атаманских», находившихся «от Азова за три днища», а именно когда прибыл «на Оксайское устье под Кобяково городище». На обратном же пути азовцы проводили посла под то же городище, «не дошед первые станицы атаманские» [Путешествия..., 1954, с. 63, 98]. Отсюда видно, что казаки, передававшие и принимавшие И.П.Новосильцева у Кобякова городища, имели местопребывание не в районе самого этого пункта, а значительно выше его по течению Дона.

Относительно же характера упомянутого местопребывания В.В.Богачёв, не соглашаясь с Х.И.Поповым, писал, что слова «станция атаманская» «для XVI века нужно понимать не в смысле городка, а в смысле отряда, стоявшего на пикетах или пограничном посту» [Богачёв, 1910, с. 255-256]. В 1990-х гг. на этот счёт высказался В. С.Сидоров. «Выражение “атаманская станция”, – писал он, – значило не “станция Атаманская”: казачьи поселения назывались тогда городками, – но просто высланный атаманом для встречи казачий отряд. Однако возникавшая челночная регулярность таких проводов и встреч предполагает устройство здесь (у Кобякова городища. – В.К.) укрепленного стана, где можно перебыть день в ожидании “другой стороны”, а то и сест в “осаду” ввиду несогласованного визита какой-нибудь “третьей стороны”, укрыться в непогоду, обсушиться-обогреться и т.п.» [Сидоров, 1994б, с. 124].

Все эти мнения представляются ошибочными. Очевидно, атаманские зимовища и атаманская станция находились в одном и том же месте и, как отмечено отнюдь не в пункте передачи посланцев (их поездки тогда, кстати, были скорее эпизодичны, чем регулярны). Само понятие «зимовища» в принципе предполагает более длительное, чем один-два дня, пребывание казаков, и, следовательно, зимовища были больше, нежели просто пикеты. По В.Д.Сухорукову, зимовища являлись временными и в отличие от городков неукрепленными жилищами [Сухоруков, 2001, с. 100]. Однако три дня речного пути от Азова приводят нас к месту расположения уже существовавшего в 1570 г. Раздорского городка, первого известного казачьего центра [Архив РОМК, III, л. 317], и статейный список употребляя понятие «зимовища», имеет в виду именно Раздоры – по-видимому сам укрепленный городок и соседние с ним неукрепленные жилища. Во всяком случае, согласно имеющимся на сегодня сведениям, эти зимовища 1570 г. не связаны напрямую с Атаманским городком (Стыдным Именем, Самым Нижним, Ебком), который реально существовал с конца XVI в.

По мнению П.П.Сахарова, названное поселение впервые упоминается в 1592 г. [Архив РОМК, III, л. 350-351]. В этом году турки гневались из-за того, что казаки «поделали» несколько «острог» «под Азовом и на устье Дона под посадом, Сегде слово, да... на речке Черкасской... да на Маначи»; крымский хан прислал султану жалобу на построение казаками «новых 4 городов блиско Азова, на Маночи да в Черкасской и в Роздорех» [Сухоруков, 2001, с. 81, 87; Архив РОМ К, III, л. 341].

Городок «под Азовом», согласно П.П.Сахарову, вероятно, равен Самому Нижнему [Архив РОМК, III, л. 350-351]. В точности это, однако, неизвестно, и В.Д.Сухоруков думал, что подазовский городок находился «под самым Азовом, на одном из донских устьев» [Сухоруков, 2001, с. 80], а Х.И.Попов высказывал предположение, что городок стоял у Посольского ерика, против позднейшей станицы Елисаветовской [Балуев, 1900, с. 186]. Городок на Черкасской речке – это Черкасск, на Маныче – Маноцкий, «в Роздорех» – Верхние Раздоры (Бабский); что такое посад Сегде, неизвестно.

Местоположение Стыдного Имени (Самого Нижнего, Атаманского, Ебка) определяют по-разному. Н.А.Мининков считает, что Самый Нижний находился у отделения от Дона Мёртвого Донца [Мининков, 1992, с. 166], т.е. на месте будущей Гниловской станицы. Другие историки располагают городок выше по течению, при впадении в Дон Аксая. В.В.Богачёв говорит, что на карте И.Массы. Ебок (Атаманский) «мы находим на месте

Кобякова городища» и Аксайской станицы [Богачёв, 1910, с. 255-256]. По П.П.Сахарову, Самый Нижний размещался на Черкасском (Аксайском) острове, образуемом Доном и его притоком Аксаем, и вместе с другими городками острова возник на месте более ранних буйных черкасских станов [Архив РОМК, III, л. 361]. У В. С.Сидорова это «Аксайский городок», менявший свое название [Сидоров, 19946, с. 124], у А.С.Козаченко Стыдное Имя находилось «на самом низу Аксайского острова» [Козаченко, 2000, с. 40]. Атаманский городок И.Ф.Быкадоровова располагался (но до 1569 г.) близ устья Аксая [Быкадоров, 1930, с. 131].

При этом некоторые авторы подчеркивают стратегическое значение выбранного места. «На Кобякове городище, – читаем у В.В.Богачёва, – стояли турецкие пикеты для наблюдения за Доном, так как здесь именно Дон сходится в одно русло, и движение по нему казаков не может быть скрыто... Естественно, что казаки так, сразу, Азова взять (в 1637 г. – В.К.) не могли, они должны были шаг за шагом приближаться к крепости, имея поближе к ней и базу. Наконец, необходимо было им овладеть пунктом, где Дон делится на рукава (или, если смотреть с другой стороны, сходится в одно русло. – В.К.)» [Богачёв, 1910, с. 255-256].

«Стратегические» замечания об Аксае достаточно убедительны, хотя и нахождение городка у начала Мёртвого Донца имело бы важное значение, так как это один из донских рукавов, которым можно было, минуя Азов, выходить в море. К сожалению, расположение городка на упоминавшихся картах довольно неопределённо и позволяет авторам говорить как об Аксае, так и о Мёртвом Донце.

Попытаемся рассмотреть расстояния, которые приводят росписи: от Азова до Стыдного Имени степью 25 вёрст, до Самого Нижнего 20 вёрст. Разница в 5 вёрст, как справедливо заметил Н.А.Мининков, не должна нас смущать из-за тогдашней неточности определения расстояний [Мининков, 1986]. Но нам неизвестно, какие вёрсты имелись в виду – путевые (1,08 км) или межевые, большие (2,16 км). В первом случае городок отстоял от Азова на 27 или 21,6 км, во втором – на 54 или 43,2 км. Между Азовом и устьем Мёртвого Донца по прямой приблизительно 18 км, между Азовом и устьем Аксая – примерно 40 км.

Из этих данных следует, что если вёрсты были путевыми, то городок мог Располагаться у Мертвого Донца, а если межевыми – то у Аксая. Очевидно, подобные расчёты проделали Н.А.Мининков, сторонник малых вёрст и донецкого варианта, и П.П.Сахаров, который отмечал, что 20 больших вёрст приблизительно соответствует расстоянию от устья Аксая до Азова [Архив РОМК, III, л. 351].

Но мы ещё имеем в росписи расстояние от Черкаска до Стыдного Имени 8 вёрст, т.е. 8,6, или 17,3 км. Карта показывает, что от Черкаска до устья Аксая по прямой примерно 12 км, тогда как до устья Мёртвого Донца приблизительно 34 км, и выводимые из росписи 8,6 – 17,3 км, конечно, гораздо больше соответствуют положению городка у Аксая, чем у Мёртвого Донца.

Эта «цифирь» склоняет нас к аксайскому варианту. Но, повторим, конкретное местоположение Стыдного Имени (Самого Нижнего, Атаманского, Ебка) до сих пор неизвестно. Вполне возможно, речь должна идти о территории нынешнего города Аксая, но при этом часто встречающееся в прессе «притягивание за уши» теперешнего Аксая к рассматриваемому городку некорректно.

«Как только не называли Аксай, – пишет В.И. Вареник, – Самый Нижний городок, Нижние Раздоры, Городок Кобяковой казны, Гиреева могила, Кобяков городок, Атаманский городок, Бодок, снова Атаманский городок». К перечню автор добавляет и Стыдное Имя [Вареник, 1996б; Вареник, 1996а]. Разумеется, город Аксай, а до того Аксайская станица не носили ни одного из приведённых названий, не говоря уже о том, что Нижние Раздоры – это знаменитый Раздорский городок, что городки Кобяковой казны, Гиреева Могила и Кобяков в источниках не встречаются, что населённый пункт не с руки называть урочищем и что после Бодка, о котором скажем ниже, не было нового Атаманского городка.

Останавливаемся на этой мифологии ещё и потому, что она с газетных страниц и из популярной литературы проникла уже и в серьёзные справочники. К примеру, топонимический словарь «Географические названия мира» утверждает, что город Аксай будто бы возник в XVI в. и до XVIII в. назывался Нижними Раздорами, Кобяковским городком, Атаманским и Нижним [Поспелов, 1998, с. 26-27].

Теперь изложим то, что конкретно известно историкам о Ебоцком городке, помимо материала росписей, а также предположения касательно его прошлого. С.Г.Сватиков и И.Ф.Быкадоров считали, что Атаманский был первой столицей донского казачества, еще до Раздор [Сватиков, 1924, с. 21-22; Быкадоров, 1930, с. 157]. Это мнение оказывается ошибочным: первым известным центром казаков были всё-таки Раздоры, а к Ебку «руководящие функции» перешли позже, и они пока нигде, кроме росписи, относящейся, очевидно, к 1593 г., не фигурируют; затем центр переместился в Монастырский городок.

Похоже, что в 1616 г. Ебок постигла катастрофа. Из бумаг, связанных с посольством П.Мансурова, который 23 июля этого года прибыл в Азов и затем проследовал в Турцию, видно, что азовцы сожгли некий казачий «острожек», располагавшийся ниже Монастырского. Согласно В.Д.Сухорукову, «едва Мансуров отплыл из Азова, как беспокойные жители сего города (несмотря на перемирие Войска Донского с Азовом. – В.К.)... стали нападать на донские юрты: в воровском набеге разорили передовой острожек, взяли в плен несколько казаков и после на площади казнили 50 человек. Загорелась война сильнее прежнего; оскорблённые казаки пустились на разорения: одни опустошали посады азовские, другие громили корабли и каторги на морском заливе. Осенью большая партия казаков... разорив по берегам Черного моря многие селения, приступила к Трапезонту, истребила там посад и с добычею возвратилась на Дон» [Архив РОМК, IV, л. 365; Сухоруков, 2001, с. 120].

Гибель «острожка» был вполне отомщена, но сам он на некоторое время прекратил существование, поскольку в 1623 г. ближайшим к Азову казачьим городком являлся Монастырский. Впрочем, если П.П.Сахаров не ошибается, ниже Монастырского строили тогда какие-то городки приходившие туда на время запорожцы [Архив РОМК, IV, л. 365].

Затем Ебок снова появляется в источниках, и сведениями об этом мы обязаны разысканиям Н.А.Мининкова в РГАДА. В отписке астраханских воевод в Москву 1639 г. между прочим говорится, что в 1634 г. ногайский татарин Байдайко Юмашев «с матерью своею перешел в казачей городок Эпок и с тех мест жил все в том казачьем городке» [Мининков, 1998, с. 113, 259]. Но через несколько лет, в 1643 г., во время мощного турецкого наступления в низовьях Дона, Ебок был взят и уничтожен азовцами. 22 апреля этого года погиб Маноцкий городок, через неделю пали Монастырский и Черкасский городки, и тогда же, как свидетельствует отписка 1644 г., «азовские татаровья... с турецкими людьми поймали в городке Эбке казачьих жён и детей» [Мининков, 1998, с. 113, 324, 392]. Войску Донскому пришлось временно отступить с Нижнего Дона к Раздорам.

В 1647 г. ниже Черкаска и Монастырского снова упоминается казачий городок, но уже с названием Бодок. О нём писал ещё В.Д.Сухоруков, однако ошибался с передачей его названия, считая родительный падеж за именительный: «городок Бодка» [Сухоруков, 1863]. Есаул донской станицы в Москве Василий Микитин 22 декабря 1647 г. сказал, что Монастырский Яр, где казаки «преже сего живали», «стал меж их городков Черкасского и меж городка Бодка» [Донские дела, 1903, с. 793]. Н.А.Мининков полагает, что это возродившийся Ебок [Мининков, 1992, с. 45; Мининков, 1998, с. 113, 259, 391, 503]. Нас, однако, смущают два обстоятельства.

Во-первых, новое название внешне не связано с прежним. Хотя слово «бодок» в русском языке означает «толчок рогом, удар тычком» («сшиб с ног одним бодком») [Даль, 1981, с. 106], и при желании можно сопоставить это слово с названием Ебка, тем не менее в отличие от последнего «непристойного» топонима Бодок выглядит вполне «приличным» наименованием. Кроме того, неизвестно, Русская ли у него основа, и если нет, то топоним можно попытаться истолковать исходя из тюркской лексики (например, «баддога» – проклятие, «бодокслама» – штевень, нос, «бод» – тело, фигура, род и др.). В.А.Магин относил Бодок к тем топонимам, «лексико-семантическую природу которых, ввиду отсутствия историко-географических данных, пока не представляется возможным вскрыть более или менее достоверно» [Магин, 1958, с. 162]. Конечно, если бы городок носил название Ебодок, то получался бы совсем другой «расклад», но пока такая форма топонима в источниках не встречалась.

Во-вторых, нет твёрдых оснований считать, что Бодок возник именно на месте Ебка, а не в его районе или даже на определённом удалении от этого района (единственный известный ориентир – ниже Монастырского). Иное название нового поселения, чем Ебок, склоняет нас к мысли о том, что Бодок все-таки не являлся восстановленным Ебком.

Наконец, скажем, что Н.А.Мининков, располагающий Ебок у устья Мёртвого Донца, Бодок размещает на Махине острове, исходя из того, что в 1643 г. в Ебке попали в неприятельские руки казачьи жёны и дети, а в предшествовавшем году казаки вышли из Азова с жёнами и детьми именно на Махин [Мининков, 1998, с. 114, 391]. Следовательно, историк считает, что Махин остров находился у названного донецкого устья. Согласно же съёмкам К.Крюйса, этот остров располагался гораздо выше по течению Дона, несколько выше нижнего устья Аксая [Крюйс, б/г, № 15], а казачьи жёны и дети жительствовавали тогда во всех донских городках [Королёв, 2001], и «ебоцкие» семьи вовсе не обязательно должны были быть «азовско-махинскими».

Таким образом, строго говоря, сведений о городке со «стыдным» именем; после гибели 1643 г. мы не имеем.

Историко-культурные и природные исследования
на территории РЭМЗ. Сборник статей, выпуск 1, 2003 г.

Литература

Архив РОМК, ф. 2, оп. 5, д. 1. III, IV.

Балуев П.С. Историческое и статистическое описание станиц и городов Области Войска Донского, посещаемых г. военным министром при объезде его превосходительством Области Войска Донского в 1900 году. Новочеркасск, 1990.

Богачёв В.В. Географическое развитие дельты р. Дона в связи с её заселением // Сборник Учёно-литературного общества при императорском Юрьевском университете. Юрьев, 1910.

Левассер де Боплан Г. Описание Украины от пределов Московии до границ Трансильвании, составленное Гильомом Левассер де Боплан // Ляскоронский В.Г. Гильом Левассер де Боплан и его историко-географические труды относительно Южной России. I. Описание Украины. II. Карты Украины. Киев, 1901.

Быкадоров И.Ф. История казачества. Прага, 1930. Кн. 1.

Вареник В. Аксай мечтал стать Новочеркасском // Наше время, 1996. 23 авг.

Вареник В. Здесь Тихий Дон качал фрегаты, и бредил морем Дон // Аргументы и факты на Дону. 1996. № 22.

Витков З.А. Еще раз о Кагальницком казачьем городке // Ученые записки [Курского государственного педагогического института]. Орел, 1970. Т. 58.

ГАРО, ф. 55, о п. 1, д. 1419.

ГАРО, ф. 803, о п. 1, д. 200.

Гладченко В. Великий Атаманский город // Победа. Аксай, 2001. 28 сент.

Гладченко В.Д., Нагорный В.А. Аксайский // Города и районы Ростовской области. Историко-краеведческие очерки. Ростов н/Д, 1987.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981. Т. 1.

Донские дела. СПб., 1903. Кн. 3.

Зимин А.А. Русские географические справочники XVII в. (Из сборника в Собрании Московской духовной академии) // Записки Отдела рукописей [Государственной библиотеки СССР имени В.И.Ленина]. М., 1959. Вып. 21.

Протестация Иова Борецкого // Статьи по славяноведению. СПб., 1910. Вып. 3.

История Дона с древнейших времен до падения крепостного права. Ростов н/Д, 1963.

Карасёв А. Историческая несправедливость. (Названия донских станиц) // Русский архив. 1894. № 5.

Козаченко А.С. Пространственная культура казаков Нижнего Дона конца XVI – XVII вв. Ростов н/Д, 2000.

Кордт В.А. Материалы по истории русской картографии. Киев, 1889. Серия 1. Вып. 1.

Кордт В.А. Материалы по истории русской картографии. Киев, 1910. Серия 1. Вып. 2.

Королёв В.Н. Донские казачьи городки у Эвлии Челеби // Историческая география Дона и Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1992.

Королёв В.Н. Роспись донских казачьих городков конца XVI века // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 году. Азов, 1993. Вып. 11.

Королёв В.Н. Брак и семья у донских казаков // Абрамов М.Ю., Вальдин А.С., Королёв В.Н., Корягин С.В. Астаховы и другие. М., 2001.

Королёв В.Н. Босфорская война. Ростов н/Д, 2002а.

Королёв В.Н. Жареные раки и солёный виноград. Из истории донской казачьей кухни // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Азов, 2002б. Вып. 18.

Корягин С.В. Мельниковы и другие. М., 2000.

Корягин С.В. Дураковы и другие. Неблагозвучные фамилии. М., 2001

Крюйс К. О нравах и обыкновениях донских казаков в XVII века // Северный архив. 1824. Ч. 11. № 18.

Крюйс К. Новая чертежная книга, содержащая великую реку Дон, или Танаис. Амстердам, б/г.

Лезвин А. Аксайские краеведы перекраивают древнюю карту Дона // Труд на Дону. 2002. 10 янв.

Магин В.А. Заметки о топонимике Подонья по документальным данным XVII века // Ученые записки [Таганрогского государственного педагогического института]. Таганрог, 1958. Вып. 5.

Маштаков П.Л. Список рек Донского бассейна. Л., 1934. Мининков, 1986. Мининков Н.А. Списки казачьих городков и географические карты как источник по истории заселения Дона в XVI — XVII вв. // Из истории международных отношений в Причерноморье. Ростов н/Д, 1986. Деп. в ИНИОН АН СССР № 26 237 от 01.08.1986.

Мининков Н.А. Донское казачество на заре своей истории. Ростов н/Д, 1992.

Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д, 1998. Миртов, 1929. Миртов А.В. Донкой словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д, 1929.

Научная сенсация XXI века. Б/м., 2002.

Попов Х.И. Краткий очерк прошлого донского казачества с примечаниями к нему // Сборник Областного Войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1907. Вып. 7.

Поспелов Е.М. Географические названия мира. Топонимический словарь М., 1998.

Походный журнал 1698-1699 гг. 2-е изд. СПб., 1910. Путешествия, 1954. Путешествия русских послов XVI — XVII вв. Статейные списки. М.; Л., 1954.

Ригельман А.И. История о донских казаках. Ростов н/Д, 1992.

Савельев Е.П. История казачества с древнейших времён до конца XVIII века. Историческое исследование в 3-х частях. Ростов н/Д, 1990. Ч. 3.

Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549-1917). [Белград], 1924.

Сидоров, 1994а. Сидоров В. Вуркалака. Ростов н/Д, 1994.

Донская казачья энциклопедия Владимира Сидорова. Ростов н/Д, 1994. Т. 1.

Сулин И. Краткое описание станиц Области Войска Донского // ДЭВ. 1894. № 11.

Сухоруков В. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях // Русская старина. СПб., 1824.

Сухоруков В. Записка о достопримечательностях в Донской области // ДВВ. 1863. №35.

Сухоруков В. Статистическое описание Земли донских казаков, составленное в 1822-32 годах. Новочеркасск, 1891.

Сухоруков В. Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов н/Д, 2001.

Тетрадь записная, как пошли певчие дьяки под Азов, а сколько были на Воронеже и в иных местех, все писано ниже сего // Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частию Азова. Воронеж, 1851. Кн. 1.

Шумов В.В. В кривом зеркале. Об одной попытке исказить донскую историю // Лазоревая степь. 1994. № 18.

Список сокращений

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

ДВВ – Донские войсковые ведомости. Часть неофициальная. Новочеркасск.

ДЕВ – Донские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. Новочеркасск.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Москва.

РОМК – Ростовский областной музей краеведения.